

НИКОЛАЮ НОСОВУ – СТО ЛЕТ

Размышления
к юбилею писателя

В этом году мы отмечаем столетний юбилей классика отечественной детской литературы Николая Николаевича Носова. Есть смысл ещё раз задуматься, как принято говорить, о Носове и современности. Обращаясь к детской литературе, к миру детства, мы не можем обойтись без исторических ассоциаций. Ведь литературная сказка, да и детская дидактическая литература, произрастает из благодатной фольклорной почвы, и ни один серьёзный детский писатель об этом не забывал. Даже такой городской франт и остролов, каким был Николай Носов.

Арсений Замостьянов

Есть в океане фольклора несколько простейших сюжетов, которые приходят к детям в самом раннем, ещё колыбельном возрасте. У таких сказок есть слушатели, а пока ещё не читатели. В русской традиции это «Курочка Ряба», «Репка», «Колобок»... Именно эти сказки открывают перед ребёнком большую жизнь, в которой есть и дедушка с бабушкой, и первые конфликты, и тема дороги. А главное — в них есть начало и конец, есть ощущение времени. Сказка, с которой начинается жизнь, полна мифологического смысла. Это один из первых сюжетов, с которого мы начинаем познание мира и приобщение к слову. Чуть позднее повзрослевшему ребёнку становятся необходимы стихи и рассказы с элементами реализма, где действуют его ровесники, их мамы

и папы, в которых есть школа и дом, приключения и озорство. Тогда-то в нашу жизнь и приходят самые простые рассказы Носова, а потом и большие детские повести.

Как правило, фольклорные сказки связаны с дохристианской этикой. А в мире классических литературных сказок — напротив, звучат христианские мотивы, даётся установка на душеполезное чтение. В советское время эта установка осталась — но в изменённом виде, как того требовала властная эпоха. В густых и обширных зарослях советской детской литературы многое затерялось, что-то осталось навсегда в прошлом, в своём времени; не всё понятно современным детям. Остаётся классика, всегда актуальная, всегда необходимая, — и одним из первых мастеров слова в ряду классиков отечественной детской литературы останется Николай Николаевич Носов. Обаяние прозы Носова захватывает, как лучшие цирковые и театральные зрелища, как азартная игра. Герои Носова оказались долгожителями — и школьники, и сказочные коротышки.

Сто лет назад, 23 ноября 1908 года, в Киеве, в семье актёра Николая Носова родился сын, которого называли в честь отца. Детство писателя прошло в Ирпени — это живописный посёлок под Киевом. Жили большой весёлой семьёй (у Николая Носова-старшего было четверо детей). Там, в Ирпени, он начал учиться в гимназии, которая в 1917-м была преобразована в семилетку. Отец Носова — предприимчивый, неунывающий человек — много лет выступал на эстраде. Коля Носов сызмальства бывал на выступлениях отца, его тянуло к сцене, к репризам и розыгрышам. (В будущем репризы эти перейдут в прозу Носова, хоть актёром, вопреки предсказаниям родителей, он не станет. Но любовь к кинематографу останется с Носовым навсегда, сыграет немалую роль в его судьбе.)

Гимназист и школьник Носов слыл остро-словом, писал для рукописного журнала.

Какое-то время увлекался музыкой, играл на скрипке, но не выдержал утомительной ежедневной музыкальной зубрёжки — и бросил это занятие. А ещё увлекался техникой — был радиолюбителем. В начале двадцатых годов советская система образования находилась в зачаточном состоянии, всё держалось на энтузиазме талантливых одиночек и коллективов. Но эпоха учила трудолюбию: без него на развалинах Гражданской войны было не выжить. И выпускник семилетки поступает на Ирпенский бетонный завод разнорабочим.

Чуть позже, подобно героине популярной в те годы песенки, писатель, «горе мыкая, лет пятнадцати \ \ на кирпичный завод нанялся» — в соседний посёлок. Работа не мешала развитию артистической натуры. В 1927 году Носов поступил в Киевский художественный институт, откуда через два года перевёлся в знаменитый Московский институт кинематографии, где тогда уже вовсю бурлила жизнь, а совсем молодые основатели советского кино там готовились создавать шедевры. И Носов стал кинорежиссёром: снимал мультипликационные, учебные, научно-популярные фильмы. В годы Великой Отечественной в учебном фильме он так доходчиво и азартно рассказал молодым танкистам про боевую машину, что командование наградило его орденом Красной Звезды. Орден он получил в 1943 году. По мнению офицеров Красной Армии, фильм эффективно выполнял свою боевую задачу, воспитывал и обучал бойцов, поэтому боевая награда и досталась кинорежиссёру.

Как и многие известные создатели детской литературы, сочинять Носов начал для собственного сына, которому рассказывал смешные истории о современной ребятне. Рассказы сочинялись на ходу — и сам автор признавался: «Постепенно я понял, что сочинять для детей — наилучшее занятие. Оно требует не только литературных знаний, но и знания психологии детей, а главное — любви к ним... Я понял, когда у меня рос сын, что

к детям нужно относиться с самым большим и тёплым уважением». Потом рассказы были записаны, и автор решил отправиться в редакцию «Мурзилки» — популярнейшего в те годы детского журнала. В «Мурзилке» и состоялась первая публикация Носова — рассказ «Затейники», который переиздаётся и в наше время.

Ни одна из книг Носова не отменена временем. Вот мы в «Народном образовании» с давних пор много пишем о «педагогике дела» как об актуальной потребности сегодня и завтра. А в нашей литературе нет более поэтичного и занимательного описания трудовой практики школьников, чем «Весёлая семейка» Носова. Даже у современного ребёнка после прочтения этой повести возникает желание соорудить инкубатор — настолько радостным приключением получился у Носова трудовой эксперимент.

Детская литература двадцатых — начала тридцатых годов была между тем чрезмерно дидактичной и прикладной. Педологи отвергали волшебство, не приветствовали и легкомысленный авантюризм приключений. Детей приучали к чтению о том, как приобрести профессиональные навыки, о политике, о географии, о пользе труда. Дети воспринимали такие книжки как касторку, а душу отводили над старыми бульварными выпусками «Ната Пинкертона», «Ника Картера» и «Пещеры Лехтвейса».

В тридцатые дидактикой была переполнена каждая страница. А ведь и сказка, и приключенческая повесть тоже воспитывают — на свой лад, хотя эстетики и художественных впечатлений в них больше, чем непосредственной учёбы. За сказку и приключения боролись Чуковский, Маршак и многие другие. А Николай Носов, создавший чуть ли не главную сказку советской эпохи, умел совмещать детский плутовский роман с тонкой и умелой пропагандой труда, в том числе и учебного. «Весёлую семейку» школьники читали с упоением, забыв о «Пещере Лехтвейса», а потом пытались, подобно героям, вывести цыплят из магазинных яиц. Носов показывал, насколько весёлым, органичным и естественным для ребят может оказаться творческий труд: он запросто вписывается в контекст детских проказ, при-

ключений и переживаний, словно продолжая их внешне, а на деле выполняя работу, которая и не снилась авторам дидактических писаний!

Носов написал о школьном производстве ещё одну изобретательную, азартную, талантливую книгу — «Дневник Коли Синицына». Герой хорошо учится, он примерный и благополучный мальчик, мечтающий о «вечной» ручке. Мама обещала подарить ему такую, если он станет аккуратно вести дневник. В эти дни как раз намечается летняя работа пионерского звена: ребята решили разводить пчёл — и дело это оказалось самым увлекательным. Шаг за шагом они осваивают пчеловодство, — и вот уже мечтают устраивать пасеки аж в Арктике. Работая над повестью, Носов (горьковская школа писательского мастерства!) вникал в основы пчеловодства, словно сам готовился к съёмкам учебного фильма. Читал книги, возился с ульями, чтобы быть наравне со своими героями.

В последнее десятилетие жизни писатель подводил итоги в автобиографических тетрадях и в повести-исследовании «Повесть о моём друге Игоре», в которой прослеживается становление личности внука Носова до пяти лет. Писатель раскрывал тайны, показывая себя психологом, знатоком детской души. Впрочем, читатели «Незнайки» и «Вити Малеева» иного и не ждали от своего писателя. Носов не забыл и своих детских ощущений: «Взрослые часто не понимают детей, потому что видят мир не таким, каким его видят дети. В окружающих предметах взрослые видят их назначение, видят то, чем эти предметы полезны для них. Дети же видят лицо вещей».

Носов написал о своём отце, восстанавливая взгляд ребёнка в живых воспоминаниях с лирической иронией: «Мне нравится, когда мой добрый великан берёт меня руками под мышки и поднимает над своей головой. Я вижу мир не таким, каким вижу его обычно, то есть

с высоты своего ничтожного роста. Мне начинает казаться, что я тоже вдруг стал великаном, и всё моё существо наполняется гордостью. Если же отцу вздумается подбросить меня кверху, я громко смеюсь, испытывая захватывающее чувство радости, смешанное со страхом. Так что главное в Носове — умение видеть в ребёнке личность — идёт из собственного детства писателя и переходит в сказочный эпос про коротышек.

Над «Незнайкой» Носов работал в пятидесятые годы (первая повесть была окончена в 1953-м), когда сказка как таковая давно была реабилитирована: в период педологического максимализма писателю бы досталось за «безыдейную фантазию». Идеи, впрочем, в «Незнайке» содержались, и весьма глубокие, только лежали они не на поверхности и излагались не в плакатном духе. Для «коротышек» Носов создал целый сказочный мир, в котором (это главное) не было фальши. Само имя «Незнайка» в традиции недавних лет предполагало сатирическое разоблачение нерадивого, ничего не знающего недоросля. Примером учёности и трудолюбия должен был бы стать неутомимый Знайка. У Носова всё получилось совсем по-другому — он осложнил нравственную систему сказки.

Носов создал сказочный мир, населённый чудаковатыми и забавными коротышками. Незнайка — один из самых привлекательных героев русской литературы, а в детской литературе XX века его широкополая шляпа и вовсе закрывает всех остальных. Между прочим, шляпы любил носить и сам Николай Носов, который передал герою немало собственного артистизма. Незнайка многое позаимствовал у первых героев рассказов Носова — смыслёных московских сорванцов, своего рода Томов Сойеров по-советски. А внешне глубокомысленный Знайка (хотя и оказался он одарённым конструктором) получился человеком несимпатичным. Носов на стороне Незнайки — героя человеческого, далеко не идеального, который вполне реален, а не высечен из мрамора.

Читатели тоже часто симпатизируют героям колеблющимся, героям с недостатками, со слабостями.

В Солнечном городе (1958) и на Луне (1964–65) Незнайка — герой детского фантастического романа, детской антиутопии, которая будет интересной и взрослым. Коммунизм, с которым Незнайка и его юные читатели столкнулись в повести о Солнечном городе, получился технократическим раем. На первый взгляд, — настоящее светлое будущее. Но оно оказалось уязвимым. Как румяное наливное яблоко, которое может испортить один случайный червячок. Видел Носов, что советское общество, становясь всё более гуманным и просвещённым, может тем не менее оказаться бессильным перед хитроумной интервенцией аморализма, который поначалу кажется жалким, невинным, но быстро завоёвывает сердца, — и вот ослиные уши уже прорастают из нас самих.

Книга «Незнайка в Солнечном городе» вышла в свет в 1958 году. О коммунизме тогда говорили «по Маяковскому», во весь голос. Носов писал о коммунистическом обществе в стиле занимательной детской фантастики, не забывая о юморе. Тема Носова не сковывала, он не нарушал атмосферу игры.

Коммунизм в Солнечном городе Носова — это, в соответствии с традицией, общество сознательных и трудолюбивых людей, которые живут в рукотворном раю высоких технологий. Важно, что в это общество попадает сказочный Незнайка, а не современник читателей Носова — скажем, советский пионер пятидесятых. Именно поэтому автор не был скован установками официоза, да и писал Носов сказку, детскую фантастику.

Беседы Незнайки с Совестью — эпизод захватывающий и многозначный. Известно, что эти страницы впечатляют юных читателей, как первая встреча с омутами нравственного измерения, как взгляд вечности. Совесть — Божий голос в человеке, это

известно со времён Сократа и Платона, закреплено и в христианской традиции. Здесь Носов развивает тему, подхваченную другим замечательным детским писателем — Аркадием Гайдаром.

Точность и актуальность футурологических прозрений Носова поражает. Откроем «Незнайку на Луне». «Первое время тебя там будут и кормить, и поить, и угощать чем захочешь, и ничего делать не надо будет. Знай себе ешь да пей, веселись да спи, да гуляй сколько влезет». Разве это не сценарий тотальной культуры потребления, которая всё агрессивнее завоёвывает сердца и пространства? Инертность и агрессия — два болота, в которые засасывает человека (по преимуществу — очень молодого) индустрия развлечений. Носов любил и воспевал людей неодинаковых, «нештампованных», но были они или вдумчивыми мастерами, или неугомонными мечтателями.

Замысел Носова грандиозен, как проекты эпохи Возрождения, — в трёх детских повестях последовательно рассказать о первобытном социализме, о коммунизме и о капитализме. С таким знанием экономических и социальных реалий, — чтобы даже специалисты не подкопались. Ведь какая скучная могла бы получиться работа! А Носов исхитрился воплотить сложный футурологический замысел, не потеряв ни лёгкости стиля, ни сказочной занимательности сюжета. Уникальный случай: повторить подвиг этот пытались многие, но в мире детской литературы такое не удалось никому.

Носов — писатель, сформировавшийся в годы становления социалистического реализма, когда общепризнанный главный писатель страны Максим Горький призвал литераторов изучать профессии и науки, следовать за техническим прогрессом и опережать его. Радикальный технократизм, присущий детской литературе во времена расцвета педологии, отступил. Но технократические мотивы прочно вошли в индивидуальный стиль Носова, и писатель рассказывал о технике и экономике очень дельно и рассудительно.

В 1955 году, отвечая на вопрос «Литературной газеты», Носов окрестил свою новую книгу

о Незнайке с долей иронии: «Научно-фантастическая повесть о последних достижениях и перспективах развития советской науки в области ракетоплавания и телемеханики». Но космическими реалиями пылливый писатель интересовался всерьёз — впрочем, как и многие в пятидесятые и шестидесятые годы. Прозорливое остроумие выручало, и получалось даже кое-где предвидеть.

Внук Н.Н. Носова пишет: «Я знаю, что в откровенной беседе космонавт Леонов рассказывал деду, что если бы он прочитал его «Незнайку на Луне», то не сделал бы одной ошибки. Космонавт вышел в космос с кинокамерой, а крышку с объектива снять в космическом корабле забыл. Открыв колпачок, он кинул его в космос. От реактивного движения тот начал вращаться, шланги, соединяющие космонавта с кораблем, запутались, и Леонов чуть навсегда не остался в космосе».

«Витя Малеев в школе и дома» — литературная энциклопедия жизни московского школьника послевоенных лет. Получилась образцовая пионерская повесть, которая быстро стала популярной у детей, попавших под безоговорочное обаяние носовского юмора. Юмор и был ключом к успеху повести. Как в цирке, так и в детской литературе самые зрелищные моменты связаны с животными. Витя Малеев и его товарищи дрессируют собаку, разводят дома и более экзотическую живность, вплоть до ежей. К животным они относятся как типично городские дети: с восторгом, как к диковинке. Читатели в Малеева поверили, увидели в нём своего реального современника. Ребята писали письма не на имя Носова, а на имя Вити Малеева...

Автор «Вити Малеева», в соответствии с пионерской идеологией, верит в творческую силу коллектива. Вспомним: Малеев плохо учился, отставал по математике. И — за него крепко взялся пионерский коллектив. Школьник стал

прилежнее после того, как пообещал товарищам исправить успеваемость. Сатиры в повести немного: добродушный смех вызывает скорее излишнее рвение пионеров, настойчиво помогающих отстающему Вите. Необузданные шалуны охотно проникаются основами дисциплины; пусть и с некоторым напряжением, но принимают пионерский кодекс, пионерский миф, и учатся жить в обществе. Детям принадлежит и лучшая часть городского быта: они свободно гуляют дотемна по всему городу. И в школе, и дома, и на улице — чувствуют себя как рыба в воде.

Собратья по перу (Сергей Михалков, Юрий Яковлев, Николай Томан) в 1954-м году признались в коллективной статье: «Есть у нас такие повести, которые напоминают не художественные произведения, а скорей беллетризованные инструкции по школьно-пионерской работе. Наиболее ярким образчиком такого произведения является, на наш взгляд, «Повесть о старшем друге» Т. Печерниковой. К сожалению, есть ещё в наших детских книгах приторные пай-мальчики и пай-девочки». С лакировкой боролись. Оптимизм детской литературы должен был выражаться в характеров положительных героев — целеустремлённых, сильных и, как любили тогда говорить, неунывающих. При этом старались не приукрашивать материальную сторону жизни. Скажем, мало кто в те годы располагал домашним телефоном в отдельной квартире — и писателям не рекомендовали навязчиво показывать такую элитарную деталь в прозе «о наших современниках». Зато жюльверновская фантазия разыгрывалась в фантастических повестях о близком будущем — уж там каждая семья оснащалась ультрасовременной техникой. Но пионерские повести писались таким образом, чтобы любой юный читатель не завидовал материальному благополучию книжных мальчишек и девчонок. Впечатлять должна была насыщенная интересными приключениями пионерская жизнь, чтобы читатели были активнее, чтобы тянулись к достижениям книжных героев, преодолевая се-

бя. Таковы были правила своеобразной политкорректности, которую не худо бы перенять (с учётом современных реалий) нашему гламурно-глянцевому подростковому телевидению.

Носов не злоупотреблял приторно-положительными образами, он любил и умел вести повествование от имени мальчишек-сорванцов, познающих мир с жадной любознательностью. Эти мальчишки — не выдающиеся герои без страха и упрека, которые жертвуют жизнью «за други своя», актуальные как раз в послевоенные годы. У Носова всё пропитано духом мирной жизни, его интересуют обыкновенные мальчишки, которые не совершают подвигов, но умеют трудиться — в охоту, без надрыва. Захватывающие приключения получаются в самом будничном школьно-домашнем контексте. В произведениях Носова практически нет места непримиримым классовым боям, там нет ни шпионов, ни предателей, которых разоблачали пионеры в популярной детской литературе того времени. В известной степени школьные городские рассказы и повести Носова умиротворяли послевоенных детей, снимали ожесточение, приучали к заботам и развлечениям мирной жизни, к созидательному труду. В те годы в искусстве как раз проявилась теория «бесконфликтности», «борьбы хорошего с лучшим». Вскоре её осудят за «лакировку действительности», но «бесконфликтные», идиллические, добрые картины, песни, книги, фильмы были реакцией на жестокий максимализм довоенного пятилетия и военных лет, когда каждый конфликт в книге или фильме был борьбой не на жизнь, а на смерть. Когда нужно было переходить к мирной жизни, потребовались книги о хороших людях. У Николая Носова, в отличие от менее изобретательных и остроумных послевоенных авторов, не было перегибов слащавости. Поэтому его книги (старые и новые) читали и в шестидесятые годы, и позже. Перешли они и в XXI век, а герои собрались за праздничным столом к столетию писателя. **НО**